

Осинцева Н. В.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ТАНЦЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/62.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 170-172. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Группировка населенных пунктов Сталинградской области по видам и количеству жителей за 1939 г.** – Государственный архив Волгоградской обл. (ГАВО), Ф. 686, Оп. 5, Д.79, Л. 1-6.
- Заславский, Н. П.** Боевые будни заводского коллектива / Н. П. Заславский // Волгари в боях за Сталинград. – Сталинград, 1961. – С. 114 – 117.
- Зефилов, М. В.** Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО / М. В. Зефилов, Д. М. Дегтёв, Н. Н. Баженов. – М., 2007.
- Ишин, В. В.** Волго-Каспийский регион в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / В. В. Ишин, И. И. Панин. – Астрахань, 2001.
- Козлов, В.** Аварийно-судоподъёмная служба на Волге (1942 - 1945 гг.) / В. Козлов, И. Данилин // Военно-исторический журнал. – 1978. - № 12. – С. 84-88.
- Колхозная Ахтуба.** – 1940. – 18 янв., 21 янв., 20 июня, 22 сент.
- Командарм крылатых: Генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин** / Авт.-сост. В. С. Петров. – Волгоград, 2002.
- Краткая справка о боевом пути 87-й гвардейской Перекопской, орденов Красного Знамени и Суворова II-й степени стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.** / Под ред. гвардии подполковника в отст. Д. Шабалова. – М., 1984.
- Локтионов И. И.** Волжская военная флотилия / И. И. Локтионов. – М., 1974.
- На грани возможного. Легендарные подвиги советских воинов:** Сб. – М., 1990.
- Павлова, Т. А.** Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве: Монография / Павлова, Т. А. — Волгоград, 2005.
- Пенкин, А. А.** Родная земля ахтубинская. Из истории Среднеахтубинского района: документы, факты, предания / А. А. Пенкин. – Волгоград, 2003.
- Пищулина, С. Ю.** Сталинградский городской комитет обороны в 1941-1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Пищулина Светлана Юрьевна. – Волгоград, 2007.
- Плехов, И. И.** В огне сталинградских переправ / И. И. Плехов, Хватов С. П., Захаров Г. И. – Волгоград, 1996.
- Районы Сталинградского края: статистический справочник.** - Сталинград, 1936.
- Самсонов, А. М.** Сталинградская битва / А. М. Самсонов. – М., 1983.
- Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне.** – М., 1981.
- Справка зам. начальника УНКВД Сталинградской области «О потерях волжского флота от бомбардировок и мин противника с 25 июля по 11 августа 1942 г.».** // Архив Управления ФСБ РФ по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 68. № 11. Л. 144.
- Сталинград. 1942-1943. Сталинградская битва в документах.** – М., 1995.
- Сталинградская область в цифрах: краткий статистический справочник.** - Сталинград, 1939.
- Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны:** Документы и материалы. – Волгоград, 2003..
- Усик, Б. Г.** Народное ополчение Сталинграда / Б. Г. Усик. – Волгоград, 2006.
- Хорошилов, Г. Т.** К вопросу о боевом применении артиллерии в Сталинградской битве / Г. Т. Хорошилов // Исторический подвиг Сталинграда. – М., 1985. – С. 172 - 179.
- Цейтцлер, К.** Сталинградская битва / К. Цейтцлер // Роковые решения. - М., 1958. – С. 153.
- Цибин, В.** Волжские суда в Сталинградском сражении / В. Цибин // Волга. - 1993. – № 5-6 – С. 41.
- Шабалов, Д. М.** Десант в бессмертие / Д. М. Шабалов. – М., 1999.
- Шилин, Н. К.** На главном ходу. Волгоградские железнодорожники / Н. К. Шилин. – Волгоград, 1993.
- Щучкин, В. В.** Медицинские работники Сталинграда и области в годы Великой Отечественной войны / В. В. Щучкин, А. Ф. Воробьев. - Волгоград, 1995.
- Яковлев, Н. Д.** Об артиллерии и немного о себе / Н. Д. Яковлев – М., 1981.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ТАНЦЕ

Осинцева Н. В.

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

Для понимания сущности танца следование за историей западноевропейского искусства, пожалуй, менее всего приблизит к истине. Вообще в истории искусства танец несправедливо расположен на периферии относительно живописи, скульптуры, музыки и театра. Между тем, в бытии танца прослеживается антропологически существенная разница в том, как танцуют - «для себя» или «для сцены». Когда танец становится средством создания и выражения художественного образа он превращается в искусство. В профессиональном искусстве сущность танца подчиняется лишь идее художественного образа, раскрытию публике замысла постановщика. В таком случае танец для зрителя представляет эмоции от воспринимаемых образов, которых он лишен в обыденной жизни. Область искусства формализует и рационализирует бытие танца, превращая его в антропологически производное событие. Там, где в танце засвечивается художественный образ, там танец перестает быть тем, чем он является по природе человека, и тогда танец превращается в очередное лицедейство искусства. Профессиональные танцовщики чувствуют привходящую в них радость, но, как правило, не от танцевания, а оттого, что радуются им. Отточенный язык телодвижений дает возможность опространствования любого настроения, но это будет образ настроения, маска, а не бытие. Дух радости, настроения, снизошедший на танцующего «для зрителя», остается земным, не делает человека легким, способным летать. Такое искусственное (во всех смыслах этого слова) бытие танца не может привести к

рождению «трагедии», страсти по Ф. Ницше, к пониманию истинного человеческого бытия, о котором говорил Заратустра: «Теперь я легок, теперь я летаю, теперь я вижу себя под собой, теперь Бог танцует во мне» [Ницше 2007: 43].

Не видеть в танце оккультности, божественности – значит а priori не понимать сущности танца, сводя его к представлениям профанного опыта. Между тем танец – одна из редких форм поведения, в котором меньше всего быта и совсем нет химии искусства или богослужения. Антропологически танец выше искусства, равно как поэзия выше литературы, а математика (как интеллектуальный досуг или агон) выше прагматичного естествознания. Интересным представляется сравнение у Й. Хейзинга: танцу удается всегда свободно играть в пространстве, как поэзии и музыке, и быть при этом зримым, материальным. Не случайно в ницшеанской трактовке театральное, танцевальное искусство, поэзия относятся к дионисийскому началу бытия, где верховенствует не гармония и рассудительность, а страсть. Ф. Ницше онтологизирует страсть, для него действительна та реальность, которая по своему содержанию патетична. И даже у Демокрита «никто не может стать хорошим поэтом без воспламенения души и какого-то порыва безумия». В танце своя антропологическая онтология, в основе которой не искусство, искусное ремесло, а переживание чувств, доведенных до страсти, по Ф. Ницше, переживание радости или, используя греческий лексикон, харизмы. Харизма (*χαρισμα* – милость, дар, от *χαρα* – радость, прелесть) рождает всегда свойственную танцу грацию (лат. *gratia* – от богини Грации, имя которой в греческом языке *Χαριτα*, которое, в свою очередь, производно от *χαριτα* – наполненность радостью).

Если учесть дихотомию Э. Фромма «иметь» или «быть», становится очевидным, что обладать можно ремеслом, искусством, но не бытием танца. Э. Фромм понятие «бытие» относит к переживаниям, которые в принципе невозможно описать, в отличие от конкретных вещей. Как нет двух одинаковых людей, так нет и двух идентичных переживаний. Даже отдельный фрагмент поведения, жеста не поддается исчерпывающему описанию: «...у людей есть не только лица, но и тела... в каждом движении, которое они совершают, – пишет искусствовед П.М. Карп – наружу вырывается то, что внутри... Тело – зеркало души» [Карп 1986: 14]. В модусе подлинного бытия господствует живой опыт, для которого, по Э. Фромму, нет ни слов, ни выражений. Заметим, что для танца (несценического) тоже нет способа словесного описания, даже в академической хореографии до сих пор не решена проблема записи танцевальных произведений. Возможным становится только экзистенциальное переживание данности танца. Это расстояние от слова до дела, от мысли о чем-то, от обладания чем-то до бытия чем-то и есть то, что разделяет вещь и бытие вещи. Танец же в самом теле живет, следуя терминологии Ф. Ницше, как некое «Само»: «В твоём теле он живет; он и есть твоё тело» [Ницше: 34]. Дистанция между «я» и телом исчезает, когда «оно не говорит Я, но делает Я» [Ницше: 34].

Тело, существовавшее в труде, спорте, на войне как инструмент волящего субъекта, в танце начинает жить. За пределами природы танца человеческое тело трудится на «хозяина» (на волящий субъект), направленность которого сориентирована модусом «иметь». «Субъектом являюсь не «я как таковой», а «я как владлец того, чем я обладаю» [Фромм: 121]. Уметь танцевать и танцевать – не одно и то же. Человек, имеющий знания и навыки танца, не есть танцующий в экзистенциальном смысле. Модус обладания скорее характеризует сферу профессионального искусства танца, где индивидуальность танцора формируется исключительно обладанием умения исполнять технически сложные трюки и передавать заложенный постановщиком образ. Более того, как отмечает Э. Фромм, субъект, обладающий объектом, находится под властью этого объекта обладания, которым вполне может быть и танец. Доходит до того, что многие танцовщики, скованные профессионализмом, не способны к чувствованию другой реальности, они беспомощны без художественного образа. В этом смысле танец вреден для человека, поскольку субъект и предмет его обладания (в данном случае танец) превращаются в вещи, и «связь между ними не животворна, а смертоносна» [Фромм: 122].

Пропать разобщенности между «я» и «другим человеком» преодолевается, лишь пока исполняется «танец жизни» [Фромм: 137]. Танцевальные телодвижения – движения особого типа, они словно сосуд харизмы, чаша жизни (не работы, не спорта, не войны и др.), тело в танце просто живет и переживает радость. И «танец жизни» Э. Фромма – это не абстрактная метафора, это онтологический способ существования человека, и словно дионисийская музыка Ф. Ницше, рождающая трагедию, танец есть метафизическое начало мира. В танце при всей его физической явленности тело не задействует физиологические функции: оно не ест, не пьет, не детородствует – оно просто «живет». Поэтому в танцующем человеке нет отдельно души и тела, есть совершенно иная онтология, предстающая в триаде «дух-тело-пространство», которая в свою очередь распадается на две оппозиции с общим «средним термином»: «дух-тело» и «тело-пространство». В результате танец предстает в двуединстве «танцующего тела человека» и «тела танцующего человека». Это не игра слов, это два берега, в зазоре которых течет река харизмы.

Если в обладательном модусе (Э. Фромм) танец выступает как вещь, собственность, произведение искусства, физические навыки исполнения танцевальных телодвижений, то в экзистенциальной модальности танец становится подлинной причастностью к миру, в нем есть метафизическое начало мира. Бытие танцующего – это не только физическое исполнения «па», это некая траектория жизни, изгиб судьбы, это то, как человек танцует вместе с природой под музыку небесных сфер. Подлинное бытие танца не берет, но дарит (*χαρισμα* – милость, дар, от *χαρα* – радость, прелесть). Харизматичный в своей основе танец есть дар, он дарит человеку радость – не удовольствие. Переполюющая радость делает любого человека способным танцевать, создает его танцующее бытие. Тело человека в танце «живет», феноменологически это выражается в том, что энергично танцующий человек не устает, поэтому танцующий человек может легко пройти по жиз-

ни, также легко, грациозно и артистично, как тело в танце. Не случайно Ф. Ницше писал: «Чист взор его, и на устах его нет отвращения. Не потому ли и идет он, точно танцует?»

Список литературы

Карп П. Младшая муза. - М., 1986. – 190 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого. - М., 2007. – 395 с.

Фромм Э. «Иметь» или «быть». - М., 2007. – 314 с.

ДИРЕКТОРСКИЙ КОРПУС УРАЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ 1928 – 1950 гг.: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Павлов К. С.

Челябинский государственный университет

Период сталинских пятилеток и проблемы связанные с социалистической индустриализацией уже долгое время волнуют не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Грандиозный промышленный рывок, который совершил Советский Союз в 30-е годы XX века, требовал не только значительных материальных затрат, но и серьезной мобилизации людских ресурсов. Следовательно, истинно научное понимание индустриализации, ее причин и результатов, возможно лишь через комплексный анализ всех сторон этого процесса.

Суть социалистической индустриализации фактически заключалась в создании мощнейшего индустриального комплекса, ориентированного, прежде всего, на производство средств производства или, другими словами, приоритетное развитие промышленности группы «А». Фундаментом этого процесса были строительство и пуск крупных заводов и комбинатов, возглавить которые должны были люди, наделенные способностью к управлению и стратегическим мышлением. С другой стороны, эти люди, которым партия доверяла и поручала руководство промышленностью, обладали особыми социокультурными характеристиками, непосредственно влияющими на процесс управления созданной индустрией.

Одним из факторов, в наибольшей степени влияющих на формирование социокультурного облика группы, является обстановка, в которой происходит ее становление, развитие и функционирование. Условия, в которых действовали директора заводов, нельзя назвать стабильными. Конец 1920-х – первая половина 1930-х гг. – этап форсированного строительства новых и реконструкции старых предприятий, ввод их в строй при нехватке и неопытности кадров. Затем наступило время «большого террора», когда от обвинения в саботаже или вредительстве не был застрахован ни обычный рабочий, ни инженер, ни директор завода. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война остро поставила задачу перевода промышленности на военный лад, эвакуацию важнейших производств на Урал, а главное – их скорейший запуск. Эта задача вполне закономерно легла на плечи руководства заводов. Четвертая пятилетка ознаменовалась восстановлением страны после разрушительной стихии войны. Для каждого из этих периодов характерны специфические образ жизни, стиль управления, идеи, мораль, настроения. Именно на фоне этих событий и формировался социокультурный облик директорского корпуса уральской индустрии.

Первые пятилетки проводились при острой нехватке ресурсов, как людских, так и материальных. Именно поэтому уже к началу 1930-х гг. четко прослеживалась так называемая система приоритетов в распределении сырья, оборудования, рабочей силы, распространявшаяся, прежде всего, на наиболее важные промышленные объекты [Верт 2006: 228]. Подобная система, позволившая избежать кризиса в развитии советской промышленности в 30-е гг. XX в., расколола директорский корпус на две части: директоров «приоритетных» и директоров «рядовых» предприятий. Первые заведомо оказывались в привилегированном положении, позволяющем им быстрее получать необходимые для выполнения плана ресурсы. «Участь» директоров заводов, не попавших в приоритетные списки, была не завидна: им предстояло выполнить план, будучи обеспечиваемыми ресурсами и кадрами по остаточному принципу.

Рубеж 20-х – 30-х гг. прошлого века был связан с серьезными изменениями в правовом статусе директорского корпуса. Причиной этому послужили два обстоятельства. Во-первых, стремление к повышению эффективности управленческой структуры привело к изменениям в законодательстве, положившему «конец разделению власти между «красным» генеральным директором (обязательно членом партии) и техническим директором («буржуазным специалистом»)» [Верт 2006: 229]. Во-вторых, принятие ряда административных постановлений, фактически наделяющих директоров диктаторскими полномочиями по отношению к своим работникам. Однако принцип единоначалия имел свои пределы. Специфической чертой советской политической системы было наличие параллельных управленческих структур: партийная управленческая иерархия зачастую подменяла государственную. Сходный процесс можно было наблюдать и в промышленности: парткомы заводов были наделены обширными правами по использованию ресурсов подконтрольных им предприятий и организаций, причем эти права не уравнивались соответствующими обязанностями. [Прохоров 2002: 150]. В марте 1939 г. положение о праве парторганизаций производственного предприятия